

4 (17) февраля

Священномученик

Мефодий (Красноперов),

епископ Петропавловский, викарий Омской епархии

Священномученик Мефодий родился 30 июля 1868 года в селе Вятском Сарапульского уезда Вятской губернии в семье псаломщика Платона Красноперова и в крещении был наречен Михаилом. Семья жила очень скудно в материальном отношении, и Михаил с детства узнал бедность и связанные с нею лишения. Но одновременно с этим он познал и великую силу веры; здесь его первым наставником стал отец, учивший сына во всем полагаться на волю Божию, познавать близость к человеку Бога, учивший видеть, что в мире ничего не совершается без Его благого Промысла, пусть и не сразу людьми понимаемого. Михаил окончил Сарапульское духовное училище и Вятскую Духовную семинарию и в 1890 году был определен на должность надзирателя Сарапульского духовного училища.

22 октября 1891 года епископ Сарапульский Афанасий (Пархомович) рукоположил Михаила во священника к Тихвино-Богородицкой церкви в селе Паздеры Сарапульского уезда. 19 февраля 1896 года он был назначен сверхштатным священником к Вознесенскому собору в Сарапуле и заведующим и законоучителем Никольской церковноприходской школы. Во время своего служения священником отец Михаил овдовел и принял решение целиком отдать себя на служение Церкви, а для этого он прежде всего счел необходимым завершить духовное образование.

В 1898 году отец Михаил поступил в Казанскую Духовную академию. В это время ректором академии был епископ Антоний (Храповицкий); общение с этим выдающимся архипастырем, беседы его о монашестве склонили отца Михаила к решению принять иноческий постриг. 11 февраля 1900 года, когда иерей Михаил учился на третьем курсе академии, епископ Антоний постриг его в мантию и нарек ему имя Мефодий, назначив благочинным учащегося в академии духовенства. В 1902 году иеромонах Мефодий окончил Казанскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. Тема его кандидатской работы была «Пастырь Церкви по учению святого апостола Павла».

16 августа 1902 года иеромонах Мефодий был назначен помощником смотрителя Уфимского духовного училища, а через год – инспектором Александровской миссионерской семинарии в городе Ардоне в Осетии и членом Ардонского отделения Епархиального училищного совета. В 1904 году иеромонах Мефодий был награжден наперсным крестом, а в 1905 году назначен исправляющим обязанности ректора семинарии. 20 ноября 1906 года отец Мефодий был назначен ректором Уфимской Духовной семинарии и возведен в сан архимандрита. В 1907 году архимандрит Мефодий был избран постоянным членом Уфимского епархиального комитета православного миссионерского общества, в 1908 году назначен редактором неофициальной части «Уфимских епархиальных новостей» и в том же году – старшим членом Просветительского отдела уфимского епархиального Братства Воскресения Христова со званием помощника председателя Братства.

Будучи активным делателем виноградника Христова, духовным воспитателем юношества – учащихся семинарии, пастырем и проповедником, отец Мефодий старался по возможности оградить паству от хищных волков, которые все смелее действовали в распутной атмосфере начала XX столетия.

Начиная 1908-1909 учебный год, отец Мефодий обратился к семинаристам с напутственным словом. «Печальная и тяжелая для впечатления картина представляется нам, братья и юноши, если мы остановим внимание свое на современном состоянии виноградника Божия, – сказал он. – То, что совершается в последние времена в мире и нашем православном Отечестве, ясно говорит, что делатели виноградника Божия начинают уподобляться богоборным иудеям: отвергают слова посланников Божиих и избранников, сосудов благодати Божией, оскорбляют их и “поносят... и рекут всяк зол глагол” на них, начинают вторично распинать Сына Божия, отвергая Его святое Евангелие, попирая Его заповеди и отрицая в корне самое дело христианства.

Масонство вместе с сектантством – эта страшная боговраждебная сила – быстро распространяется в мире христианском; в массе печатных изданий своих оно откровенно и цинично обещает в недалеком будущем “развеять по ветру пепел современного христианства” и отпраздновать над ним печальную тризну. С не меньшим успехом воинствует против Церкви Христовой религиозный рационализм и материализм. Вместо Евангелия Христова, начинают зачитываться сочинением богохульника Ренана или “Капиталом” Маркса. С фанатизмом и уверенностью проповедуют наступление “небесного-духовного царства вечной жизни” на земле. Многие совращаются в еврейство, в магометанство и даже язычество, тысячи душ, уклоняясь от православия, остаются *без всякой религии*. Отбросивши Евангелие Христово как книгу несбыточных идеалов, современные, именуемые христианами, учителя стараются в практической жизни уничтожить влияние Евангелия, снять с человека всякую нравственную ответственность за его личное жизнеповедение. По современной антихристианской морали, всякий поступок, даже и самого кровожадного хищника – человека, может быть подведен под нравственный. Одним словом, враждебное Христовой Православной Церкви знамя антихристианского настроения человечества высоко развевается, и под стяг его стекаются все новые и новые полчища взрослых, юношей-подростков, почти детей. Приходится с печалью и глубокою скорбью убеждаться, что противление Хозяину виноградника растет, гордое своеволие, желание свергнуть благое иго Христово, самочиние, враждебное настроение усиливаются...»

«Но вы знаете, что “миродержитель тьмы”, “бог века сего” и ныне ослепляет умы и сердца многих “сынов противления”, содержащих истину в неправде; сатана, связанный на тысящу лет, не видите ли, как ныне развязывается в своей мрачной деятельности? Не замечаете ли, как ад и преисподняя тенью своего мрака усиливаются закрыть свет Христовой истины и веры в роде человеческом? Антихристианские начала жизни под благовидными и обманчивыми именами нововерия, богоискательства, социализма, коммунизма и тому подобного – стремятся затенить и исказить до неузнаваемости чистые христианские идеалы, свет евангельской Христовой истины, Того, Кто просвещает мир и “всякого человека, грядущего в мир”. “Блюдите, юноши, како опасно ходите”. Время наше “опасное”, “дни лукавые”. Много ныне надо мудрости, и именно мудрости небесной, а не земной. Ныне особенно требуются люди, твердые духом, глубоко

верующие в Бога и преданные сыны Церкви Христовой, убежденные проповедники и исповедники христианства».

Желая, чтобы семинария по уровню образования и по количеству преподаваемых предметов стояла на высоком уровне, ректор делал все возможное, чтобы это осуществить, на что часто не хватало средств, и в январе 1909 года он обратился к съезду духовенства с просьбой, чтобы оно обеспечило вознаграждение некоторых учителей за преподавание дополнительных предметов.

Как одному из известнейших и одаренных проповедников Уфимской епархии, архимандриту Мефодию часто поручали говорить проповеди в уфимском кафедральном соборе.

22 марта 1909 года в слове в Неделю Ваий архимандрит Мефодий сказал: «Скорбит Господь, Учитель наш, о том, что мы, христиане, в своем большинстве, может быть, относимся совершенно безучастно к поруганию веры Христовой, не проявляем тревожного чувства и братской участливости к ближним и со спокойною совестью взираем на попрание ими иногда самых коренных основ веры и нравственности. Поразительная религиозная и нравственная “теплохладность” всюду! Возьмите семейную жизнь. Добрые традиции старины и уставы святой Церкви, освященные вековой практикой, молодежью ныне пренебрегаются как анахронизм. Вольномыслие религиозно-нравственное и своеволие, украшенное духом модных учений, – кумир современной молодежи! Старшие – люди опыта и жизни – стараются не замечать развивающегося зла или предпочитают постыдный мир доброй ссоре, постепенно сами привыкают так же равнодушно относиться к делам веры и смотреть на нее глазами молодежи. Безразличие, равнодушие в деле веры Христовой и религии – это общая болезнь нашего века. Духовное самочувствие в нас умерло, религиозное чувство притупилось, у нас не стало заметно духовного восторга, энтузиазма, религиозного подъема, мы хуже в этом случае оказываемся даже древнего Израиля, одушевленно, с ваиями в руках приветствовавшего Господа Христа. Мирясь с окружающим нас злом, мы воображаем, что исполняем закон Христа; не вступая в борьбу со злом, в силу неправильно понимаемой нами свободы совести, мы так свыкаемся с ним, что начинаем считать его нормальным явлением и становимся равнодушными к доброму. Излишние заботы об удобствах жизни, усердное служение миру и плоти совершенно подавляют ум и сердце и всякие религиозные интересы духовной жизни. В общественной жизни, в отношениях друг к другу мы проявляем часто какую-то сверхгуманность: великодушны к низости, снисходительны к разврату, готовы замолчать неверие и иногда богохульство, считаем преступным затрагивать покойную совесть ближнего; подвижников за истину и благочестие награждаем презрением, святую ревность их называем фанатизмом, психопатией. Вот почему ныне нечестие и безверие уже не прячутся от взоров людских, а открыто заявляют себя в жизни и литературе. Как не плакать об этом Господу нашему, как не скорбеть о слепоте духовной, о том, что мы, как и древний Израиль, не хотим уразуметь того, что служит к нашему вечному спасению, отказываемся понять “день свой”, то есть время земной жизни, предназначенной Господом для нашего духовно-нравственного совершенствования, сами идем беспечно к вечной гибели».

30 апреля 1909 года Уфимская епархия отмечала 50-летие со дня смерти писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. В этот день состоялась закладка Аксаковского народного дома в Уфе, и отец Мефодий сказал слово об этом

русском писателе, особо отметив, что важна не только любовь к окружающему миру, природе, но и к живым людям: «Развивающееся чувство любви к природе не закрыло, однако, от мальчика и живых людей. Дитя Аксаков понял, что природа без человека, орошающего потом своим лицо земли, не полна; она всегда была для писателя одно с тем, для кого Богом назначена. Полюбивши простую сельскую природу, мальчик научился любить простых русских добрых людей, привык ценить их полезный и святой, тяжелый труд. Наблюдая тяжелый крестьянский труд, мальчик с детства воспитал в себе сострадание к людям, снисхождение, гуманность. “Мне стало совестно, стыдно, – пишет он, – когда я сравнил себя с крестьянскими мальчиками, трудившимися от восхода и до заката солнца”.

Дальнейшее образование, чтение добрых и полезных книг под руководством матери и доброй школы открыли юноше новый мир, осмыслили явления природы и жизни людей. Мальчик и юноша Аксаков полюбил до конца жизни все родное, русское, русскую природу, сельский труд, русский быт, родной уклад жизни – полюбил свое Отечество, свою дорогую Родину.

Чтобы выразить свое внимание великому нашему писателю, человеку, чтобы порадовать его бессмертный дух и самим взять спасительный урок христианской жизни, постараемся, братья, обратить серьезное внимание на воспитание и совершенствование лучших, фундаментальных в жизни человека возрастов детства и юности. Отцы и матери, воспитатели, наставники и учителя, пастыри, все, кто заботится о развитии в детях и юношах, подрастающем поколении, веры в Бога, преданности высшей воле Его Провидения, чувства христианской любви, братолюбия, гуманности, любви к родине, к царю, как отцу отечества, Христовой Церкви, как спасительному кораблю в бурном житейском море, – спасайте детство и юность, ищите и давайте им здоровую духовную пищу!»

В начале XX столетия шло активное обсуждение вопросов просвещения крестьян. Псевдообразованное и мнимопросвещенное общество дворян и разночинцев спешило и весь народ русский приобщить к такому образованию, где за свет выдавалась тьма идолопоклонства перед человеческим разумом, а за образование – свод беспорядочных и непроверенных сведений.

5 октября 1909 года, обращаясь со словом к собравшимся на богослужение в уфимском кафедральном соборе, архимандрит Мефодий сказал: «Многие ныне много говорят и пишут о просвещении, образовании, воспитании, всеобщем обучении, о распространении научных знаний среди народных масс. “Побольше света, побольше знания, в знании – сила, в образовании – свобода!” Такие восклицания вместе с другими громкими словами: прогресс, культура, цивилизация – можно слышать и в устных беседах и читать на страницах печати...

Есть солнце мира физического, освещающее и согревающее нашу землю и обитателей ее. Есть и Солнце мира духовного, нравственного, освещающее наш духовный, внутренний мир лучами божественного света и согревающее благодатию души разумных творений. “Бог, повелевший некогда”, по слову апостола, в начале мира, “из тьмы свету воссияти, озарил и наши сердца”, то есть наш внутренний мир (2 Кор. 4, 6). Явилось в мир Солнце Правды – Христос – “образ Бога невидимого”, из недр Самого Отца (Кол. 1, 15; Евр. 1, 3).

Итак, вот тот свет, который необходим для всякого разумно-свободного существа. Вот тот свет, без которого разумная тварь, все мы, люди, – жить не

можем истинною духовною жизнью, не в силах осуществить на земле свое человеческое назначение.

Без этого света никто из людей не достигнет величия, счастья и благополучия. Без этого света Христова мы не можем быть ни истинно просвещенными, ни истинно интеллигентными, ни истинно свободными. Вне христианства нет истинных героев добра, нет высших подвигов добродетелей, нет истинного прогресса в смысле стремления к высшему совершенству и богоподобию в личной жизни и в смысле устроения Царствия Божия в общественной и государственной жизни народов земли. Те, кои не будут озаряться и согреваться этим светом, не могут быть истинными братьями и мечтать о всеобщем равенстве людей. Истинная любовь, связующая воедино людей, согревающая жестокие сердца, сила, которая двигает жизнь мира к совершенству, явилась во всей полноте в мире только через Христа, в христианстве...

Всем ревнующим ныне о просвещении нашего народа русского, стремящимся скорее ввести всеобщее обучение и распространить среди народных масс научные знания, следует твердо помнить, что одно образование, одни знания без воспитания в народе веры в Бога, страха Божия, без укрепления в нем идеалов святой жизни, жизни “по-Божьи”, не могут сделать народ наш сильным, истинно просвещенным, счастливым и довольным. *Русь Святая*. Это говорит о том, что русский народ с самой колыбели жизни своей ставил первым идеалом достижение *святости жизни* и особенно чтит, благоговел пред теми, кто жил свято, “по-Божьи”. По этому идеалу строилась жизнь личная, семейная, общественная и государственная. С точки зрения этого идеала ценилось и просвещение, грамотность, образование. Созидавшие и строившие наше Отечество твердо помнили, что “*свет Христов* просвещает всех”, что “*во свете Христа*” мы можем узреть свет жизни, смысл и цель и разум жизни народов мира и каждого из нас в частности».

В 1909 году в Уфе активно действовал пастырско-проповеднический кружок, задачей которого было нести свет Христова учения за пределы храмов. Одним из активных деятелей кружка стал архимандрит Мефодий. По его инициативе с 1 декабря 1909 года было положено начало регулярных бесед в городском ночлежном доме, в которых он принял самое деятельное участие, посещая ночлежные дома вместе с учениками семинарии, совершая здесь молебны, всенощные, раздавая грамотным книги и брошюры религиозно-нравственного содержания, многое поясняя и объясняя из христианского вероучения. В одном из сообщений об отслуженной в ночлежном доме архимандритом Мефодием всенощной на праздник Рождества Христова «Уфимские епархиальные ведомости» писали: «С великой радостью и благоговейным умилением молились ночлежники, подходили и целовали икону Рождества Христова. Впервые комнаты обитателей ночлежки огласились радостными, торжественными песнопениями великого христианского праздника. Можно надеяться, что с Божией помощью “Свет Разума” – Христос воссияет и в этих огрубевших, покрытых корою невежества и тьмы духовной, в сущности добрых, детски доверчивых русских сердцах “бывших людей”».

Казалось бы, воспитательные учреждения, и особенно те, которые имели религиозный характер, выпускники которых становились со временем воспитателями и учителями народа, трудящимися для народа и на деньги народа, не должны были испытывать материальной нужды, – в действительности

же дело обстояло наоборот. Причиной тому была заведенная первым революционером и борцом с Православной Церковью императором Петром I государственная машина по уничтожению православия в России, которая действовала на протяжении двух столетий и привела в конце концов к крушению и самой абсолютистской монархии.

13 ноября 1911 года в Уфе было открыто Попечительство о бедных воспитанниках семинарии, и архимандрит Мефодий обратился за помощью ко всем бывшим воспитанникам семинарии, а также «ко всем священно- и церковнослужителям Уфимской епархии, к учащим школ и всем, сочувствующим высшему рассаднику духовного просвещения в епархии, воспитывающему юношей “в надежду священства”. И малая лепта на доброе дело благотворения бедным юношам будет принята с благодарностью».

Отец Мефодий хорошо понимал, в каком мире придется жить его воспитанникам, и по окончании курса в 1911 году он обратился к ним «с последним прощальным словом, в котором просил своих питомцев свято хранить заветы духовной школы, готовившей их в течение шести лет “в надежду священства”:

“Мужайтесь, братцы, вступая в мир, крепко верьте, что в борьбе возможна победа, ибо с вами всегда будет Господь. Он не оставит вас в жизненной борьбе, если вы будете ставить целью жизни – “искание Царства Божия и правды его”...

Это последний завет, который дает вам наша духовная школа; если вы будете верными этому и другим христианским заветам нашей школы, то доставите нам, вашим воспитателям и наставникам, величайшую радость и утешение».

Архимандрит Мефодий был активным деятелем Уфимского епархиального комитета Православного миссионерского Общества и во время отсутствия епархиального архиерея возглавлял все заседания комитета. В 1911 году он был послан с миссионерскими целями в село Табынск Стерлитамакского уезда на праздник Табынской иконы Божией Матери. В своем отчете о поездке архимандрит Мефодий писал: «После богослужения начали записываться в Общество трезвости; в продолжение трех дней очень много было роздано народу листов и брошюр религиозно-нравственного и противопьянственного содержания».

26 января 1913 года в Омской епархии с миссионерской целью была учреждена вторая викарная епископская кафедра. Второму vikарию вверялись дела по управлению внутренней миссией, руководство всеми деятелями противосектантской и противораскольнической миссии. Второй vikарий должен был председательствовать в Общепархиальном и в Епархиальном училищном советах. На место второго vikария был назначен архимандрит Мефодий.

3 февраля состоялось прощание учащихся и корпорации преподавателей со своим ректором, за шесть лет общения с ним искренне полюбивших его. Произнесенное в тот день от лица преподавателей слово вполне рисует нравственный облик архимандрита Мефодия.

«В основу своих отношений к нам – вашим сослуживцам, – говорилось в этом слове, – вы всегда полагали искреннюю сердечность, полное доверие и простоту. Мы всегда видели в вас лишь старейшего между равными. Вам совершенно чуждо было то начальственное отношение, которое часто разделяет начальника и подчиненных какой-то незримой стеной, о которую разбиваются все добрые начинания как с той, так и с другой стороны. Вы были образцом

мягкости и деликатности в отношениях ко всем окружающим. Вам смело было можно высказывать свои мысли, вы спокойно выслушивали возражения. И все вопросы учебно-педагогического характера решались у нас мирно, учебная жизнь текла правильно.

Корпорация семинарии за время вашего управления представляла из себя тесный, сплоченный общим делом, товарищеский союз, в котором не было ни зависти, ни ссор, ни мелких дразг, всегда сильно отражающихся на всякой деятельности, а тем более учебно-воспитательной. Во всеуслышание, с заслуженным достоинством можно сказать, что каждый из нас исполнял свой долг в полном смысле “за совесть”, а не за страх.

Знаем мы, вам... за истекшие шесть лет приходилось переживать и трудные минуты, когда нужно было много сдержанности, хладнокровия, чисто евангельского смирения, но причины этого были, так сказать, вне нашей досягаемости и мало зависели от распорядка нашей внутренней жизни. Разумею тяжелый год, когда в стенах семинарии свирепствовала дифтеритная эпидемия, когда вся тяжесть бед и напастей вынесена была по преимуществу на ваших плечах.

Ваши отношения к учащимся неизменно были проникнуты чисто отеческой любовью к ним, сочувствием всем добрым порывам, свойственным молодости...

Желая лучше подготовить учащихся к разносторонней деятельности приходского пастыря, вы располагали их к участию в народных чтениях, проповеданию слова Божия. Давали им в этом личный пример, вели несколько лет подряд религиозно-нравственные беседы среди так называемых бывших людей, нисколько не гнушаясь входить для этого даже в ночлежный дом.

Вашему доброму, отзывчивому сердцу, сердцу человека, испытавшему в своем детстве большие лишения и бедность, были близки и материальные нужды воспитанников. Памятником ваших забот в этом направлении остается созданное вами Попечительство о бедных воспитанниках, столь необходимое при увеличивающемся количестве нуждающихся учеников.

Эстетические запросы нашего юношества тоже всегда находили в вас самый живой отклик, об этом могут свидетельствовать наши юные певцы, музыканты и художники.

Вашей инициативой было открыто при семинарии обучение ручному труду, столь необходимому в жизни человека, в особенности в сельской обстановке».

Отец Мефодий, обращаясь к учащимся семинарии, сказал: «Мои отношения к вам были более отеческие, чем начальнические. В основу своих отношений к вам я ставил полное доверие отца к детям, любовь и снисходительность, не переходящую пределов дозволенного. Для меня вы были все одинаково дороги: и добрые, и порочные, усердные и ленивые. О всех болел я душой и молился, чтобы Господь сохранил вас от соблазнов и искушений зла. Мне хотелось, я стремился к тому, чтобы между вами и воспитателями и наставниками установились самые искренние, правдивые отношения. Я всегда просил вас быть откровенными, говорить правду. Я был утешен в этом отношении вами. Мне приходилось выслушивать правду от вас иногда и в очень резкой, грубой форме. Но лучше грубая правда, чем лживая, деликатная ложь.

Бывали, конечно, в нашей семье семинарской и неприятности, недоразумения. Были минуты, когда вы и огорчали меня своими поступками в массе и отдельно, но я снисходительно прощал вам ради общего мира и, помня слова псалмопевца: “от юности моя мнози борют мя страсти”. Юность

неуравновешенна, пылка и горяча. Но ни один отец не воспитает детей своих без огорчений и препятствий.

Но велика была и радость моя, когда приходилось слышать, что мои бывшие ученики заявляли себя на разных поприщах общественного служения в качестве пастырей, учителей, учащихся в высших учебных заведениях – деятельными, честными, самоотверженными, благочестивыми...

Наши отношения с вами, дорогие юноши, были близкими, родственными, искренними. Я хотел, чтобы они продолжились и потом, навсегда. Я старался быть отзывчивым к вашим нуждам. Отказать в просьбах ваших было мучительно для меня. Я переживал нравственную пытку, когда отказывал почему-либо. Часто мой отказ был на словах, а не на деле. Я сам видел и знал нужду и сочувствовал беднякам из вас. При Божией помощи и впредь обещаю по силе помогать обращающимся ко мне.

Расставаясь с вами, я хотел бы, чтобы вы исполнили мой дорогой завет. Вы готовитесь быть деятелями, пастырями, руководителями духовной жизни, сеятелями Света Христовой истины. Старайтесь еще здесь, на школьной скамье, вооружиться всеми доспехами духовного оружия для борьбы со злом мира. Укрепляйте в себе веру и приобретайте знания. Знание без веры бесплодно. Но и веры без знания недостаточно для ожесточенной борьбы с хитрыми обольщениями сатаны, особенно в наши “лукавые дни”».

*Мефодий, епископ Акмолинский, викарий Омской епархии.
1913 год*

4 февраля 1913 года архимандрит Мефодий должен был выехать в Санкт-Петербург. Несмотря на холод и ненастье, вокзал в Уфе перед приходом поезда весь был полон городским духовенством, преподавателями и воспитанниками семинарии. По всему было видно, что отца Мефодия за эти шесть лет многие искренне полюбили.

8 февраля архимандрит Мефодий был наречен во епископа Акмолинского, второго викария Омской епархии. 10 февраля в Александро-Невской Лавре состоялась хиротония архимандрита Мефодия во епископа Акмолинского. 20 февраля епископ Мефодий прибыл в Омск.

5 апреля 1913 года в Омск прибыл назначенный сюда управляющим епархией епископ Андроник (Никольский), и некоторое время два великих пастыря Церкви Христовой трудились вместе, помогая друг другу в трудах и утешаясь друг другом.

Во время встречи епископ Мефодий, обратившись к владыке Андронику, сказал: «Омская церковь сегодня радостно встречает вас как своего Богоданного ей архипастыря. Новая, врученная вам, Владыка наш, паства с глубокою, затаенною надеждою взирает на вас. Она, прежде всего, в вас хочет встретить того же “усердного молитвенника и неусыпного труженика”, каким только что проводили вас благодарные новгородцы. Она хочет видеть вас как ревностного благовестника Евангелия Христова, твердого хранителя отеческих преданий церковных и энергичного, мудрого кормчего. Корабль Омской церкви обуревается, и сильно обуревается сектантской волной. Накатилась эта волна штундо-баптизма и так называемого “евангельского христианства” с юго-запада России и стремится захлестнуть мутными брызгами своими коренных православных аборигенов Сибири. Встрепенулись пастыри Омской церкви и на общем собрании прошлого года решили выступить на борьбу с усиливающимся врагом православия, преднаметив сеть миссионерских округов, и высказали пожелания дать надлежащую организацию приходской миссии, ассигновав на миссию средства...

На вашу долю, Владыка святой, выпадает серьезная и весьма нелегкая задача организовать или, лучше сказать, мобилизовать все силы, целую армию ратников духовного ополчения для отражения натиска врага. А враг не дремлет. За последнее время он становится очень смелым, дерзким, нагло издевается над православием и нередко злоупотребляет вероисповедным законом о свободе. В своих рядах враг насчитывает уже до пятидесяти проповедников – апостолов баптизма. А нам приходится со скорбью считать число отпадших от православия в баптизм. В прошлом году таковых было до тысячи душ. И ныне за эти три месяца с болью в сердце пришлось констатировать факты отпадения и провожать за ограду Церкви упорно убегающих от нее чад. Из разных уголков обширнейшей нашей епархии с громаднейшей территорией, входящей в состав двух областей – Акмолинской и Семипалатинской, губерний – Томской и Тобольской, идут слезные просьбы православных верующих людей: “Дайте нам батюшку, службы Божией у нас нет, многие взрослые умирают без покаяния и младенцы без крещения. А сектанты, пользуясь этим, зазывают нас усердно к себе в молитвенные собрания и похищают православные души в дебри свои”.

Услышите вы, Владыка, эти настойчивые просьбы духовно голодающих, и содрогнется ваше архипастырское любящее сердце. Огонь святой ревности о православной вере Христовой, дух апостольства, горевший в вас на месте прежнего вашего служения на ниве Христовой, возгорится с большею силою,

вспыхнет ярким пламенем и здесь, во вверенной вашему архипастырскому попечению и управлению Омской епархии. Зная ваш просвещенный и умудренный опытом жизни ум, горячее, самоотверженно любящее сердце и твердую, решительную волю, мы, сотрудники вашей паствы, веруем и светло уповаем, что вы поведете корабль Омской церкви умелою рукою и зорким оком к тихой пристани Царствия Христова...

Вам здесь придется трудиться почти на невозделанной почве, строить не “на чужом, можно сказать, основании”. Здесь еще нет веками определившихся традиций, как в коренных русских епархиях. В утешение смею вам, Владыка, сказать, что для вашей кипучей энергии, мудрого, просвещенного ума и любящего сердца почва достается благодарная. Народ – коренные аборигены Сибири – добрый, с остатками древнего благочестивого русского уклада жизни. Менее благодарной почвой, может быть, явятся переселенцы, кои стремительной волной текут сюда с юго-запада России и несут с собой часто семена сектантства и другие тени Запада. Духовенство, большей частью пришлое из других епархий, ждет твердого голоса своего архипастыря. О городском духовенстве могу сказать, что оно миролюбивое и трудящееся. В пастырях города Омска, в ближайших ваших сотрудниках, вы найдете, Владыка, усердных служителей, послушных и с готовностью идущих на всякие благие начинания своего архипастыря».

Епископ Андроник сразу по приезде отправился в путешествие по приходам епархии, а епископу Мефодию предложил совершить поездку в село Чернолучье для совершения там торжественных богослужений в день празднования памяти мученицы Параскевы, когда там собирается множество паломников, иногда из самых отдаленных мест Омской епархии.

Один из пастырей-миссионеров, бывших с владыкой Мефодием, так описал это событие: «Поездке решено было придать миссионерский характер в широком смысле с целью возможно более сильного воздействия на религиозную настроенность собравшегося православного народа, обуреваемого сектантской пропагандой, а также и всякими пороками. Для этого владыка пригласил с собой особых проповедников, а именно: инспектора классов Омского епархиального училища священника Илью Фокина – по миссионерским вопросам, и священника Омской вокзальной церкви Иоанна Попова – по трезвенным вопросам. Для раздачи народу было взято до семи тысяч брошюр миссионерского, противоалкогольного и вообще религиозно-нравственного содержания; для руководства общенародным пением выезжал в село отец А. Алексеев, для специальных песнопений был взят особый хор певчих.

В 6 часов вечера началось всенощное бдение. Владыка и духовенство стали на высоком помосте, и служба была видима для народа. Неспешно и торжественно совершалось богослужение. Некоторые песнопения исполнялись всем народом... отец Илья Фокин обратился к народу с проповедью-речью на тему почитания святых, о премудрой и всехвальной мученице Параскеве как образце веры и стойкости в борьбе за христианскую истину, о подражании ей в подвиге исповедания веры, об уклонении от непризванных лжеучителей сектантов, ненавидящих святыню Церкви, отторгающих людей Божиих от правды Христовой. После речи проповедника началось торжественное всенародное прославление имени Божия (“Хвалите имя Господне”) и подвига святой мученицы. Елеопомазание, по причине множества народа, совершалось в трех пунктах, при чем подходившим православным людям раздавались священниками листки религиозно-нравственного, противосектантского и противоалкогольного

содержания. Этих листов было роздано до семи тысяч. Долго продолжалось елеопомазание, вплоть до окончания первого часа. Канон “Отверзу уста моя” пел весь народ. Перед отпуском первого часа второй проповедник (священник Иоанн Попов) обратился к народу со словом. Его слово было посвящено выяснению вопроса о вреде для народа пьянства, употребления спиртных напитков.

В 10 часов вечера кончилось церковное торжество и народ медленно стал расходиться по селу, обмениваясь впечатлениями от светлого торжества, от всей дотоле небывалой обстановки богослужения, совершенного архипастырем с сонмом священнослужителей под открытым небом, сопровождавшегося живым словом проповеди, призывами к вере и верности, трезвости и чистоте жизни, общим воодушевленным пением, горячей всенародной, единомышленной молитвой. Наутро ранняя литургия была совершена в 6 часов, так как было несколько сот причастников. Поздняя литургия началась в 9 часов... Облачившись, владыка обратился к народу со словом поучения и увещания хранить святыя заветы веры православной, не ходить вослед сектантских суесловов, подражать вере святых Божиих, за что Божие благословение всегда пребудет с верными и верующими. Отрадно было слышать это задушевное, простое и искреннее слово архипастыря к народу, многими тысячами окружавшему место богослужения, благоговейно слушавшему слова молитвы и поучения. Ярко светило солнышко, радостно звонили колокола, плавно поднимался к чистому небу, вместе с народной молитвой, дым кадильный, блестели хоругви, кресты и иконы. Безграничное море народное ширилось в разные стороны. То была святая, крестоносная и богоносная Русь, смиренная сердцем, кроткая духом, крепкая верой. В середине ее, окруженная сонмом служителей Церкви святой, возвышалась святая икона премудрой и всехвальной Параскевы, в деснице своей крепко, высоко и торжественно держащей святой крест Господень. И невольно поднимался дух от созерцания этой чисто русской картины, думалось и верилось, что ведомая, вдохновляемая и научаемая святыми Божьими Русь наша не отступит в своих главных массах от веры отцов, пройдет мимо козней лжеучителей, верная Богу, любящая свою Церковь, свое великое исповедание!..

После торжественного молебствия, во время которого было совершено освящение воды, священник обратился к народу со словом против погибельного пьянства, указывая на его тлетворные последствия, призывая народ трезвенно и чисто провести святой праздник и записаться в число ратников трезвенного движения. Энергичные призывы дать обет трезвости имели следствием то, что около ста человек немедленно записались в общество трезвости, а многие обещали свое намерение осуществить по приезду в свои приходы».

Епископ Андроник исхлопотал перед Святейшим Синодом разрешение на проведение в Омске миссионерских курсов. Первые курсы в Омске были проведены с 1 по 17 июля 1913 года. Заведовать ими был приглашен синодальный миссионер протоиерей Иоанн Восторгов, который блестяще справился со своей задачей. В занятиях приняли участие более двухсот тридцати пяти церковно- и священнослужителей, это было самое крупное явление подобного рода в Западной Сибири за последние годы. Занятия курсов каждый день посещали епископы Андроник и Мефодий.

За первое десятилетие XX века в России широко распространился порок винопития. За шесть с половиной лет с 1906-го по 1913 год не столь уж и многочисленное тогда население Тобольской, Томской, Иркутской, Енисейской, Акмолинской, Семипалатинской и Якутской областей потратило на водку триста

восемьдесят семь с половиной миллионов рублей. Распространяющийся среди русского народа порок пьянства принимал все более угрожающие размеры, за этим уже была видна перспектива катастрофы общенациональной. Пьянство предвещало обнищание, упадок нравов, неспособность не только к духовной жизни, но и к нравственной, упадок морали, разрушение семьи, а вместе с разрушением семьи и разрушение государства. Епископ Андроник видел, какая, во всей своей зловещей силе и дьявольской беспощадности, нависла над его паствой угроза, и в 1913 году в Омской епархии было положено начало общепархиальной борьбы с пьянством, которая, по мысли владыки, должна была вырасти в общенародное движение, чтобы сам народ потребовал закрытия кабаков и пивных лавок.

21 июля 1913 года в Омске было учреждено Епархиальное Братство трезвости, председателем которого стал епископ Мефодий. С этого времени во все свои миссионерские поездки по приходам епархии он брал с собой не только священника-миссионера для объяснения сектантских заблуждений, но и священника-миссионера, который звал бы паству к трезвеннической жизни. Приехав в село Боровское Ишимского уезда, где хранился чудотворный список с Абалацкой иконы Божией Матери, владыка напомнил, какие бывают печальные последствия, когда мы лишаемся защиты и покрова Царицы Небесной, когда поступаем по пословице: «что имеем – не храним, потерявши – плачем». Обращаясь к пастве, он показал, каким стал быт современной деревни с ее непробудным пьянством, с разнузданностью нравов, хулиганством и другими пороками. Для успешной борьбы с таким распространившимся пороком, как пьянство, владыка предложил слушателям образовать у себя в приходе Общество трезвости.

С самого своего приезда в Омск владыка Андроник использовал любую возможность для проповеди, для просвещения паствы, для миссионерских поездок. Случался ли в каком селе большой праздник, на который традиционно стекалось множество народа, собирался ли народ в какой-либо день к особо чтимой иконе, или тщанием благотворителей приобреталась какая-либо святыня, епископ Андроник ехал в это место к народу или посылал туда епископа Мефодия.

В апреле 1914 года для Марие-Магдалинской церкви в Петропавловске была прислана с Афона Иверская икона Божией Матери со множеством частиц святых мощей и частицей Животворящего Креста Господня.

Епархиальный наблюдатель так описал эти события: «Владыка, ежедневно всю пасхальную неделю служивший утром и вечером по церквам города Омска, предложил преосвященному Мефодию побывать в Петропавловске, устроить архиерейское богослужение с совершением крестных ходов, с усиленным проповеданием слова Божия, с общенародным пением, с раздачей духовных листов.

Кроме участия в торжестве, его Преосвященство намерен был устроить миссионерскую беседу, для чего был приглашен миссионер-священник отец Пантелеимон Папшев, который и сопровождал его Преосвященство.

По окончании литургии вокруг храма был совершен крестный ход во главе с владыкой. Во время крестного хода служили молебен, владыка осенял святой иконой Царицы Небесной и читал святое Евангелие.

После крестного хода его Преосвященство обратился к молящимся со словом, в котором, с присущим владыке добросердечием и любовью, выразил

радость по поводу посещения в первый раз железнодорожного храма, поздравил с праздником светлого Христова Воскресения, говорил о сектантстве, о пороке пьянства, против которого теперь борется вся Русь православная, и пожелал жить всем по заповедям Спасителя.

С благословения его Преосвященства, преосвященнейшего Андроника, епископа Омского и Павлодарского, в присутствии его Преосвященства, преосвященнейшего Мефодия, епископа Акмолинского, в 5 часов вечера состоялась беседа отца Пантелеимона Папшева с представителем баптизма в Сибири – известным руководителем баптистов Г.И. Мазаевым.

Беседа привлекла огромное количество слушателей, как православных, так и баптистов: здание школы (три классных комнаты) не могло вместить всех слушателей.

После троекратного пения тропаря “Христос воскрес” его Преосвященство обратился с речью, в которой указал, что цель беседы не словопрения, не желание победить в ловкости на словах, а высокая – указать и утвердить несомненную истину в вопросе о крещении младенцев и уяснить, где правда: на стороне православия или у баптистов.

В конце речи Преосвященный просил обоих собеседников вести беседу мирно, дружелюбно, не переходя на личную почву, а руководясь только одним – истиной.

Несмотря на то, что Г.И. Мазаев известен как весьма сильный собеседник, с Божьей помощью отец миссионер умело опроверг все его доводы, и Г.И. Мазаев, конечно, не оказал никакого влияния на баптистов и не мог подкрепить свои основания убедительностью.

Отец миссионер весьма находчиво доводы Г.И. Мазаева обращал в пользу православия и, так сказать, пользовался их же, баптистов, оружием против них.

Вся беседа носила мирный характер, за что владыка в заключительной речи благодарил обоих собеседников, выразил надежду, что эта беседа не последняя, и пожелал народу внимательно читать и изучать Священное Писание при свете Христовой Церкви.

С глубоким чувством благодарности всем устроителям уходили православные с беседы, и видно было, что и еще бы до глубокой ночи просидели они, слушая отца миссионера. Дай, Боже, чтобы миссионерские беседы имели место чаще и чаще в местах, зараженных тлетворным лжеучением сектантов, но “жатва многа, а делателей мало!”.

Что делать? Будем ждать более лучших условий, а пока окормляться и тем, что имеем».

12 мая 1914 года в Омске при архиерейском доме открылись псаломщические курсы, на которые было принято для обучения пятнадцать человек. Открывая курсы, владыка Мефодий «обратился к курсистам со словом, в котором указал им, насколько ответственно служение в Церкви Божией чтеца, или певца, или псаломщика. Хотя это и низшая степень в Церкви Божией, но и на ней можно принести громадную пользу верующим членам Христовой Церкви, собирающимся для молитвы в храмах Божиих. Если псаломщик понимает, что читает, осмысленно, с благоговением, отдельно, громко читает, а также и поет церковные песнопения, то он передает молящимся содержание всего от сердца к сердцу, как бы вкладывает в душу молящимся читаемое и поемое. Он тогда не дудка, не свирель только, а и проповедник, миссионер. Так вы и должны смотреть на свое служение, к которому будете готовиться.

Народ православный русский любит пение, и особенно церковное. В последнее время начало повсюду вводиться общенародное пение в церквях и на беседах. В нашей епархии, где много сектантов, тем более необходимо общенародное пение в храмах. Научить народ петь можно посредством школы. Надо научить петь школьников, а потом и взрослых около них. Вот здесь, на курсах, вы и будете учиться умению обучать других пению. Здесь же вы научитесь письмоводству и ознакомитесь с историей и обличением сектантства и будете, таким образом, добрыми помощниками своим священникам приходским».

Благодаря поддержке архиереев и непосредственному их участию в работе Епархиального Братства трезвости, в течение нескольких месяцев число членов Братства в Омске перевалило за четыреста человек. В среде трезвенников зародилось стремление к активной церковно-общественной деятельности, и прежде всего желание немедленного закрытия в городе всех винных и пивных лавок. Братство трезвости выдало полномочия трезвенникам для сбора подписей о закрытии некоторых винных лавок.

В первых числах августа в Омске было получено известие о переводе епископа Андроника в Пермь, которое глубоко опечалило владыку Мефодия. Прощаясь с ним, он поблагодарил владыку за все доброе, сделанное для епархии, и за доброе дружеское отношение к нему лично и в заключение преподнес владыке Андронику в подарок четки.

Ввиду больших успехов сектантов в Омской епархии, 26 августа 1914 года председатель Миссионерского совета епископ Мефодий постановил: «Так как одним из средств к совращению православных в сектантство служат молитвенные собрания, сопровождаемые чтением Святого Писания на русском языке с толкованием в духе секты, – подтвердить духовенству епархии обязательно прочитывать за богослужением после запричастного стиха или после “Буди имя Господне благословенно” Апостол и Евангелие на русском языке с кратким объяснением; обучать детей внешкольного возраста молитвам, что делать в сельских церквях между утреней и литургией, а также разъяснять на внебогослужебных собеседованиях церковное богослужение и обряды, употребляемые при совершении таинств, чтобы сектанты непонимание православными богослужения, евангельских, апостольских и паремийных чтений на славянском языке не объясняли как результат отсутствия Святого Духа в Православной Церкви».

В 1914 году Петропавловская городская дума возбудила перед Омской епархией ходатайство о перенесении места пребывания епископа Акмолинского из Омска в Петропавловск, заявив, что со своей стороны она готова отпустить средства на содержание архиерейского дома. 6 ноября 1914 года был опубликован указ о переименовании второго vikария Омской епархии во епископа Петропавловского с предоставлением ему значительных полномочий в самостоятельном управлении приходами Петропавловского, Кокчетавского и Атбасарского уездов.

Обратившись в Вознесенском соборе Петропавловска к пастве, владыка Мефодий сказал: «С сего священного места, откуда вы привыкли слышать благовествуемое вам слово Божие, слово жизни, слово нашего Спасителя Христа, я, как принявший от Самого Христа друг-другопринимательно через апостолов перешедшую на меня благодать архиерейства, полномочие и власть апостолов, возглашаю богоспасаемому граду сему апостольское и Христово приветствие: мир граду сему! Мир живущим в нем! Мир и тем городам и весям, которые

вручены высшею властью управлению и духовному окормлению епископа Петропавловского.

Это приветствие мое будет первым истинно христианским приветом, по заповеди Пастыреначальника Христа. Когда Христос Спаситель посылал Своих учеников – апостолов на проповедь, а в лице их и будущих их преемников – епископов и пресвитеров, то давал такие наставления им: “жатвы много, а делателей мало... Идите! Наипаче идите к погибшим овцам... проповедуйте, что приблизилось Царствие Божие, Царствие Небесное. В какой город или селение придете, наведывайтесь, кто в нем достоин. Входя, приветствуйте, говоря: “Мир дому сему”. Если будет там сын мира, то почиет на нем мир ваш, а если нет, то к вам возвратится... Если придете в какой город и не примут вас, то, вышедши, скажите: “И прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем...” Но сказываю вам, что Содому и Гоморре в день Суда отраднее будет, нежели городу тому».

В 1915 году много времени епископ Мефодий посвятил крестным ходам, некоторые из которых имели длительный и по расстоянию, и по времени характер. С 17 мая по 19 июня владыка возглавлял крестный ход, который прошел более пятисот верст из Петропавловска в Акмолинск с иконой святителя Николая чудотворца, подаренной Государем Императором. Вот некоторые эпизоды этого события, сохранившиеся в воспоминаниях очевидца: «Солнце уже склонялось к западу, когда запыленные группы паломников прибыли со святыней в поселок Липовский. Так как убогий молитвенный дом не мог вместить всех собравшихся на такое редкое церковное торжество, как встреча царского дара – святыни и своего архипастыря, – то молебен служился под открытым небом, благо к тому располагала тихая погода.

Перед молебном преосвященнейший владыка повел беседу о хлыстах. После этого к владыке подошел хлыст и задал вопрос:

– А делаем ли грех, если собираемся на богомоления, ибо Сам же Иисус Христос сказал, что “где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я посреди их...”?

Владыка пояснил собравшимся, что вопрос это обычный у всех отделяющихся от единой спасительной Церкви Православной, но что все они, а в частности хлысты, собираются во имя другого Иисуса, которого апостолы не проповедали (2 Кор. 11, 4), а во имя лжехристов, от которых предостерегал нас Сам Господь (Мф. 24, 23-24), и, самочинно удаляясь от единой спасительной Церкви Православной (Деян. 2, 47), становятся для нас язычниками и мытарями, то есть самыми неугодными Богу людьми (Мф. 18, 17). Во время речи владыки с хлыстом сделался припадок.

После сего преосвященный еще долго разъяснял слушателям о ложности и погибельности хлыстовского заблуждения и предупреждал их остерегаться различных непризванных лжеучителей и твердо держаться единого спасительного корабля – Церкви Православной.

Молебен святителю Николаю чудотворцу был отслужен владыкой со многим духовенством. Мощное всенародное исполнение припевов увеличивало впечатление, и собравшиеся переживали действительный и высокий подъем духа... О, если бы такие беседы и служения наших архипастырей устраивались чаще, – как много света и тепла вносили бы они в темную, безрадостную жизнь русского крестьянина!

Дорогой по пути в ближайшее село Драгомирское владыке пришлось повстречаться с последователем хлыстовства, на которого жаловались в Липовке

жена и сын, что отец все тащит из дома в хлыстовский “корабль”. Владыка долго беседовал, вразумляя заблудшего. Когда тот попросил благословения, то владыка сказал, что благословения не даст и Бог не благословит до тех пор, пока он не откажется от своего заблуждения...

Перед молебном владыка в своем слове указал драгомировцам, что молитвенный дом в их селе (из дерна и очень небольшой) – грустное убожество, между тем как среди сельских построек видны порядочные дома – и это в то время как дом Божий в таком запустении...

Необходима жертва и в настоящее трудное время, чтобы возможно скорее закончить постройку Божьего дома, который имеет такое громадное значение в духовной жизни христианина...

По пути в село Алексеевское его преосвященство останавливался в поселке Шульженовке. Здесь в молитвенном доме была около часу беседа с хлыстами. Один из последователей хлыстовства утверждал, что они почитают “тетеньку”, и называл ее при этом “богородицей”. В виде доказательства он приводил такой случай из ее жизни:

– Она святая, потому что на коленочках проползла все селение два раза...

– Ну, этого, положим, еще далеко не достаточно для того, чтобы производить ее в “богородицы”, – заметил владыка, – если сделает так и другая какая-нибудь женщина – уже ли и ее считать святою... Сколько же у нас “богородиц”?

– Богородица у нас одна, – уклончиво ответил хлыст, разумея под словом “у нас” свой хлыстовский “корабль”.

Тогда владыка путем простых и понятных для народа логических рассуждений, так как народ наш в массе туго воспринимает отвлеченную богословскую мудрость, довел своего собеседника до невольного признания, что их “тетенька”, которую они почитают, никоим образом не может называться “богородицей”. В самом деле: в Шульженовке, скажут, одна, то же скажут и в деревне Серафимовке, есть одна в Самаре, а там и еще где-нибудь...

– Выходит что-то уж очень много “богородиц”, а ведь истинная-то одна – Приснодева Мария, дочь благочестивых родителей Иоакима и Анны.

При этом владыка вкратце рассказал о Пресвятой Деве Марии. Точно так же преосвященный разъяснял и о Христе, Спасителе грешников, приводя пророчество Его о лжехристах (Мф. 24, 23-24).

В присутствии православных преосвященный объявил хлыстам, чтобы они храм Божий не посещали на соблазн православных, пока не перестанут верить в своих “тетеньку” и “дяденьку”...

На пути в Александровское владыка останавливался в поселке Ивановском. Школа Министерства народного просвещения служит для крестьян и молитвенным домом. Последние выражали недовольство своим учителем, что он в школу никогда не ходит по праздникам, не читает и не поет с учениками. Евангелия, этой святой книги каждого христианина, не оказалось в школе, долг которой насаждать просвещение...

Будем надеяться, что мы не дождемся того времени, когда из наших школ будет совсем удалено святое Евангелие так, как почти совсем на нет сведено преподавание богослужебного славянского языка. На предложение владыки учителю и жителям приобрести у книгоноши Евангелия и другие книги многие охотно отозвались и сейчас же купили предложенные книги».

Существенной проблемой в церковной жизни Омской епархии был недостаток храмов и малая поместительность тех, которые были. При железнодорожной станции в Петропавловске Мариино-Магдалинская церковь была столь мала, что не могла вместить всех желающих, а меж тем здесь было четыре училища, но по малости храма его могли посещать учащиеся только одного училища. В то же время в новопостроенном городском приходском училище был спланирован для театральных представлений большой зал вместимостью до трехсот человек. Епископ Мефодий исхлопотал у городских властей разрешение служить в этом зале молебны, а также вести религиозно-нравственные и противосектантские беседы. В 1915 году Петропавловск посетил назначенный в Омск епископ Сильвестр (Ольшевский), который предложил устроить в этом зале алтарь и освятить зал как храм. Предложение было с радостью принято, и 10 января 1916 года состоялось освящение храма.

После освящения владыка Мефодий обратился к молящимся со словом, сказав: «Как в природе – куда луч солнца не проникает, там нет жизни, там мрак, холод, смерть, умирает всякая жизнь растительная и животная – так и в мире духовно-нравственном – вне Христа, вне Церкви Христовой, всюду, куда не проникает луч этого божественного спасительного света, нет жизни истинной, духовной, спасительной, там мрак греха, вечная смерть. Вне Церкви Христовой, без Христа и Его спасительной благодати, подаваемой в храме Божиим через таинства и богослужения, через Его святое Евангелие, есть “добрые и злые”, но нет “совершенных”, нет святых, нет подвижников, праведников, нет истинных героев добра, любви и правды. Только христианство дало миру истинный свет, просвещающий всякого человека; оно осветило всю жизнь человечества – личную, семейную, общественную и государственную. Кто живет во Христе, тот живет во свете, тот, как ветвь на лозе, принесет много плода.

Враг света – мрачный сатана – старается своей злой деятельностью заградить проникновение лучей света Христова в души человеческие, стремится подменить истинный свет ложным, обманчивым, истинное просвещение и знание лжеименным знанием – “просвещением по стихиям мира сего”. “Отец светов”, “Свет разума” заменяется “слепой силой”, управляющей миром. Люди, верующие в “слепую силу” как в божество, конечно, и сами являются духовными слепцами – они видят только земное и за земным не видят небесного, не слышат голоса Бога Отца, не чувствуют Его благодатной силы. Следуя за блуждающим светом обманчивых болотных огоньков, они погибают в тине заблуждения, греха, озлобления, страстей. Ибо только “свет Христов просвещает всех” и ведет в царство света, в царство правды и любви, Божие вечное Царство Небесное. Храмы земные – это светочи Христова света, светильники, сияющие во мраке жизни, – в них верующий получает свет и тепло, что необходимо для жизни духовной и что движет жизнь по пути к совершенству, к Царству Небесному. Надо радоваться и благодарить Бога за всякий вновь освященный храм».

С марта 1917 года, сразу же после свержения монархии, начались гонения на Русскую Православную Церковь. В это время епископ Мефодий был в Уфе, где он временно замещал епископа Андрея (Ухтомского), срочно вызванного в Петроград. В Петропавловск владыка вернулся 23 марта вечером. Здесь он услышал, что неким евреем пущен слух о том, что в архиерейском доме и в женском монастыре хранится много спрятанного купцами сахара, махорки и мануфактуры. Молва эта разнеслась не только по Петропавловску, но далеко по его окрестностям, и распространялась главным образом среди солдат. Пущен был

также слух и о том, что в женском монастыре спрятана погромная иоаннитская* литература.

25 марта Совет рабочих и солдатских депутатов постановил произвести обыск в архиерейском доме и в женском монастыре. В этот же день в 11 часов вечера к епископу Мефодию явились человек двадцать вооруженных солдат и рабочих. Владыке предъявили документ, что они уполномочены Советом солдатских и рабочих депутатов и городским исполкомом произвести обыск. Искали погромную литературу, искали сахар и махорку, но ничего не нашли. Во время обыска дом и монастырь были окружены ротой солдат. Из квартиры епископа вооруженный отряд отправился в монастырь. Там также все перерыли. Затем вооруженные солдаты вошли в церковь, прошли в алтарь и по приказанию унтер-офицера стали шарить под престолом. Присутствовавшая при обыске монахиня предупредила их, что в алтарь с оружием входить нельзя, что надо позвать священника, но они не обратили на это внимания.

Утром 26 марта, в Вербное воскресенье, епископ Мефодий собирался идти в собор служить литургию, когда к нему пришли из монастырской церкви сказать, что вооруженные солдаты были в церкви и в алтаре и прикасались к святому престолу. Епископ благословил освятить алтарь и служить.

После литургии в соборе епископ вышел благословить народ и в это время кратко изложил все то, что произошло в монастырском храме, сказав, что считает своим долгом предупредить православных, дабы они не приняли вести о происшедшем ночью в храме в искаженном молвой виде. Епископ призвал не беспокоиться до расследования всех обстоятельств дела.

26 марта в три часа дня к епископу пришел председатель исполкома и обвинил владыку в произнесении проповеди, угрожающей общественному спокойствию. Епископ Мефодий возразил, что подобного рода проповеди не говорил, а после литургии небольшому числу богомольцев – было их около ста пятидесяти человек – рассказал о происшедшем ночью обыске; сделал он это ради успокоения народа и предупреждения нелепых слухов, которые могли появиться в городе. Председатель исполкома извинился за «печальный факт», как он выразился, и сказал, что это обвинение было ошибкой.

27 марта Совет рабочих и солдатских депутатов постановил послать телеграммы министру Керенскому и обер-прокурору Святейшего Синода с просьбой об удалении епископа Мефодия из Петропавловска за реакционную деятельность, угрожающую общественному спокойствию.

На другой день в местной газете появилось сообщение Совета рабочих и солдатских депутатов, где говорилось, что в монастырской церкви солдатами ничего святотатственного допущено не было, что они вели себя корректно, как и подобает в святом храме; между тем архиерей стал распространять клевету, обратившись к тысячной толпе с проповедью во время литургии.

Просьбу большевиков удалить епископа из города Святейший Синод оставил без внимания.

1 мая 1917 года епископ Мефодий направил в Святейший Синод обстоятельный доклад о происшедших событиях, в котором, в частности, писал: «Без сомнения, провокация, пущенная из еврейского лагеря, сделала свое дело. Замечательно, что обвиняют меня в реакционной деятельности бывшей. В чем же

* Иоанниты – секта, подобная хлыстовской, члены которой считали отца Иоанна Кронштадтского Христом; отец Иоанн много лет вел с ними непримиримую борьбу. Безбожники при советской власти часто выдавали почитателей подвига праведника за иоаннитов.

она выражалась? Никаких данных нет. Я не был ни “союзником”, ни “черносотенцем”. По приезду из Уфы 23 марта, я за каждым богослужением в дни Пасхи призывал народ к объединению, к подчинению Временному правительству, к миру и взаимной любви... Народ возмущается произволом Совета рабочих и солдатских депутатов. У нас в Сибири “свободы” стараются использовать много шире, чем в коренной России. Все хотят управлять, а повиноваться некому.

Вопрос об удалении меня по просьбе Совета рабочих и солдатских депутатов будет обсуждаться на собрании мирян и духовенства города Петропавловска. Резолюция будет представлена обер-прокурору для доклада Святейшему Синоду. Возмутили обыском в церкви православный народ и, спасая себя, свалили все на архиерея. Они надеялись, что по их капризу сейчас архиерея уберут. Если будет такой произвол, какой у нас сейчас, то, конечно, служить трудно. Каждое слово стараются уловить, перевернуть и поставить на счет. Славу Богу, мы начинаем привлекать мирян к церковному делу, объединять с клиром. Народ горой стоит за Церковь, хотя сектанты и евреи пробуют хулить святые иконы, приглашают устно и печатно сдирать с образов ризы, снимать кресты и тому подобное. Народ православный возмущается и готов иной раз на печальные эксцессы. Только слово наше архипастырское и пастырское, беседы, моления удерживают от печальных погромов. Докладывая о сем, долгом считаю просить Святейший Синод защитить меня от напрасной клеветы, не основанной на фактах, от капризного произвола Совета рабочих и солдатских депутатов города Петропавловска. Просьба их об удалении меня не имеет данных, кроме подозрения и желания себя спасти, закрыть факты святотатства в храме при обыске. Солдаты не столь виноваты, как унтер-офицер, приказавший им. Он был, вероятно, баптист».

В ноябре 1917 года в Петропавловске была установлена советская власть, однако уже в мае 1918 года город был занят частями Чехословацкого корпуса и белыми войсками. Епископ Мефодий признал законно действующее тогда на территории Сибири Временное высшее церковное управление, но активного участия в общественно-церковной жизни Сибирской церковной области и Омской епархии во время гражданской войны не принимал. 30 октября 1919 года город Петропавловск был взят Красной Армией. В конце января — начале февраля 1921 года в Екатеринбургской, Тюменской и Омской губерниях вспыхнуло антибольшевистское крестьянское восстание.

Крестьянское восстание, вспыхнувшее в Западной Сибири в 1921 году, стало одним из крупнейших очагов сопротивления безжалостному режиму. Крестьяне захватили ряд городов. 13 февраля восставшие крестьяне вошли в Петропавловск и, поддержанные горожанами, два дня вели уличные бои с большевистским гарнизоном. Повстанцами было образовано Северное Сибирское правительство. На восстание против антинародного большевистского режима большевики ответили с удвоенной жестокостью. Карательные большевистские отряды сотнями, без разбора расстреливали жителей захваченных сел и городов, сжигали дотла захваченные поселения. К утру 16 февраля прибывшие по железной дороге дополнительные части красной армии вытеснили отряды восставших из города, задерживая и расстреливая всех подозреваемых.

17 февраля 1921 года епископ Мефодий служил Божественную литургию в Никольской церкви в Петропавловске. В этот же день командующий группой войск охраны железнодорожной линии Омск-Челябинск Н.И. Корицкий издал

приказ в котором говорилось, что Чрезвычайным полевым военным революционным трибуналом на заседании 16 февраля епископ Петропавловский Мефодий (Красноперов) приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в 2 часа 25 минут 17 февраля 1921 года. Вместе с епископом Мефодием было казнено 10 мирян.

За двенадцать лет перед мученической кончиной, еще будучи архимандритом, проповедуя в уфимском кафедральном соборе при архиерейском богослужении в Неделю Крестопоклонную, он говорил: «Нам надо глубоко запечатлеть в мыслях и сердце, что если мы хотим жить разумно, осмысленно, истинной духовной жизнью, следовать за Христом, то нам придется постоянно бороться за идеалы духовной жизни, постоянно испытывать в этой борьбе скорби и страдания. Но зато эта борьба, эти скорби и страдания очищают нас от греха, возвышают дух и ведут к победе, к славе, к нетлению, к бессмертию. Позади своего креста или в конце своего крестного пути мы увидим светлый Лик Господа, Его святую десницу, которая поддержит прикосновением благодати... Никакие блага этого мира, никакая мудрость мирская не могут так скоро привести нас к цели, к искомому нами и всеми людьми счастью, радости, блаженству, как тесный, узкий евангельский путь, или путь креста. “Если вы Христовы, говорит апостол, то плоть распните со страстями и похотями”. Не верьте, братья, современным модным учениям и суетным учителям, обещающим рай утех и наслаждений на земле. Рай Христов достигается великими усилиями, подвигами: “Царствие Божие усилием берется, и употребляющие усилия восхищают его”. “Венцом правды”, наградой блаженства увенчиваются те, кто показал себя в жизни, подобно апостолу Павлу: “в великом терпении, в бедствиях, скорбях, бедах, в ранах, в темницах, в изгнаниях, трудах, бдениях молитвенных, постах, в чистоте жизни, слове истины, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах” (2 Кор. 6, 4-8)».

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Февраль». Тверь. 2005. С. 25-55